

— Даниил Александрович, сейчас многие говорят о том, что маятник реформ в России достиг своего правого предела и стремительно пошел назад, влево. Говорят о крахе политики либеральных рыночных реформ, вообще о поражении либерализма в нашей стране, о неизбежном возвращении коммунистических порядков, о втором пришествии коммунистов во власть... Что вы думаете об этом?

— Мне кажется, главная наша

— Изменился ли я за эти годы? Конечно! И, как мне кажется, достаточно серьезно.

— В чем?

— Если кратко, то я перестал быть советским человеком. Я стал просто человеком.

— Что это значит?

— Советский человек всегда был полон страхов. Он боялся думать и говорить о том, что он хотел бы сказать своей семье, сослуживцам, самому себе. Он боялся власти, боялся сказать правду, боялся проголосовать «про-

что молодежи не смотрит его фильмы, молодым зрителям в кинотеатре все время хочется взять в руки пульт управления и «промотать ленту» в том месте, которое показалось им скучным. Но разве подлинное искусство не предполагает работы души, напряженного внимания? Не кажется ли вам, что новые времена требуют от искусства развлечения, а не творчества, требуют для души отдыха, а не работы? Между тем «душа обязана трудиться»...

Даниил ГРАНИН:

«ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ СОВЕТСКИМ»

беда была в том, что ни у кого из тех, кто побывал за минувшее десятилетие у власти в России, не было ни опыта, ни реального представления, как выбраться из капкана социализма, планового хозяйства, социалистической экономики. И зарубежные специалисты; которых мы приглашали, и наши экономисты ничего не могли предложить не потому, что были глупы или невежественны, а просто потому, что задача не имела аналогов, никто не проходил этот путь — из нескольких десятилетий социализма в нормальную жизнь. Мы часто меняли правительства в надежде, что получится у тех, кто придет на смену не оправдавшим надежды. Но и вновь приходившие надежд не оправдывали. Конечно, так не могло продолжаться долго. Люди устали, измучились, потеряли последние... Конечно, и те, кто начинал реформы, и те, кто их пытался продолжить, вызвали на себя и острейшую критику, недовольство и даже ненависть людей. Эти чувства усиливались по мере роста разочарования и бедности. В этих условиях откат, о котором вы говорите и который реально происходит сегодня, был неизбежен. Уходят демократы, и не исключен приход коммунистов...

— Стало быть, возвращение к социализму — тоже историческая неизбежность?

— Я так не считаю. Я уверен, что у нас по-прежнему нет альтернативы, что мы неизбежно должны продолжать тот путь, который начали, как бы труден он ни был.

— Да, но коммунисты так не считают...

— Даже если они придут к власти, то столкнутся с теми же проблемами, которые пытались решить до них правительственные демократы. Ну придут... И откуда они возьмут деньги? У них нет никаких реальных рецептов для того, чтобы вести страну вперед. Жизнь показала, что все это время реформ в России они потратили впустую, в бесплодной и светливой борьбе за власть, так и не поняв, почему они эту власть потеряли. В результате все, что они предлагают нам теперь, отдает гнилым запахом — введем каторгу, выгоним из страны евреев, поставим памятник Дзержинскому и восстановим цензуру... Ни цензура, ни памятник Дзержинскому не прибавят людям ни продуктов, ни зарплаты.

— Ну, они предлагают не только восстановить памятник Дзержинскому, скорее всего, они примутся разбираться с собственностью, приступят к национализации частных и акционерных предприятий.

— Это имело бы смысл, если бы вновь национализированные предприятия стали выпускать мирового уровня телевизоры или компьютеры, замечательные автомобили и прекрасную одежду. Но мы с вами взрослые люди и прекрасно понимаем, что чудес не бывает. Для того чтобы телевизоры, выпущенные на наших заводах, покупались, нам надо закрыть границы и не пускать в Россию ни японской, ни корейской электроники, которая, к сожалению, и дешевле, и лучше нашей. Стало быть, требуется вновь опустить железный занавес, отгородиться от остального мира. Это мы уже проходили. К счастью, сегодня я и мир не тот, да и Россия уже не та: за это десятилетие мы поняли, что наша страна — неотъемлемая часть мировой цивилизации, которая, в свою очередь, неотделима от России. Так что железный занавес уже невозможен, а без него коммунисты — ничто.

— Есть и третий путь — диктатура, не обязательно коммунистическая. Вспомним Пиночета, например...

— Да, возможно... Но даже диктатор должен иметь ясные представления о том, что и как делать, иметь идею. Я не знаю такого диктатора у нас. А вам он известен?

— Нет. Давайте тогда поговорим о другом. Что мы все о политике? Давайте о вас. Вот интересно: ведь вы были уже вполне сформировавшимся человеком, издавна писателем, когда началось в России время перемен. Изменило ли это время вас? Стали вы в чем-нибудь другим, или ваш внутренний мир остался неизменен?

тив», боялся, что его подслушивают... Страх был главным в жизни многих поколений советских людей. Система возвращала, культивировала его в человеке, пользовалась страхом как инструментом управления людьми... Сегодня я не боюсь. Я — вполне свободный человек. Я многое узнал. Я понял свои собственные заблуждения. Я осознал, как много во мне было предрассудков, иллюзий, глупостей... Кругом меня люди тоже стали свободны. И это — самое большое приобретение прошедшего десятилетия. Я стал писать, что хочу, говорить, что хочу, я стал понимать жизнь без иллюзий. Я уяснил, к примеру, что мы, Россия, не являемся мессией для остального мира, мы — обыкновенная несчастная страна. Несчастлива — потому что не можем умно и с пользой для самих себя распорядиться своим богатством. Я понял, что Красная площадь — это не главная площадь мира, есть и другие великолепные площади. Я с удивлением обнаружил, что немцы, голландцы, французы и американцы умеют жить счастливо. Я убедился, что народ может процветать, руководимый и королями, и парламентами, и президентами...

— И все же... Есть ли что-нибудь, с чем вам жаль было прощаться в том советском времени?

— Да, есть. Что там ни говорить, а советская система тоже имела свои достоинства, иначе она просто не смогла бы существовать столь долго. Была социальная защита, человека не могли выбросить из квартиры, не могли просто так уволить с работы. Медицинское обслуживание было достаточно гуманным. Само понятие «советский народ» исключало национальную рознь. А нынче все вдруг стали русскими, чеченцами, татарами, евреями, латышами, украинцами... Как видим, это породило множество острых проблем.

— За последнее десятилетие в нашу культуру просто хлынула культура молодежная и даже подростковая, что раньше было просто немислимо. Не кажется ли вам вредным и опасным наводнение национальной культуры инфантильным подростковым сознанием, этой лексикой школьных коридоров, подъездов и улиц? Не создается ли у вас ощущение, будто густую «сметану» отечественной культуры словно разбавили водой?

— Нет, не создается. А с другой стороны, что вы предлагаете — запретить все это? Цензурировать? Я думаю, что культура должна развиваться свободно, что потребности всех поколений должны быть учтены максимально и никто не должен быть подвергнут дискриминации. Все остальное мы уже проходили. Думаю, что надо просто научиться терпимости и уважительному отношению к чужим вкусам, даже если они чужды тебе. Вот у нас в Русском музее проходит выставка «мирискусников», висят полотна, которые в советские времена запрещено было смотреть. Почему? Почему, чтобы взглянуть на «Черный квадрат» Малевича, надо было испрашивать разрешение чуть ли не в Министерстве культуры? Вы хотите сказать, что такое положение дел нормально?

— Нет, конечно. Но согласитесь, что все, о чем вы говорите, имеет отношение к искусству, имеет отношение к культуре, к восприятию которой требовался хотя бы минимум знаний, хоть какое-то художественное воспитание... Недавно Анджей Вайда, замечательный польский кинорежиссер, признался,

— Вы правы. Но, с другой стороны, я не вижу ничего плохого в том, что искусство не скучно. И я не думаю, что скука — это обязательный атрибут настоящего шедевра. Знаете, я недавно посмотрел американский фильм «Спасти рядового Райана». Сидел в кинотеатре вместе с молодыми людьми. Фильм сделан настолько здорово, что ни у кого не возникло и мысли что-то там «промотать». Между тем это, конечно, художественное произведение с несомненными гуманистическими достоинствами. Я думаю, что забота о зрителе и читателе отнюдь не противоречит художественности. Это вполне совместимые понятия. И уж, во всяком случае, если зритель или читатель воспринимает что-то с удовольствием и без скуки, то это еще не свидетельствует о его (зрителя или читателя) низком «качестве». Согласны?

— Пожалуй. Но попробуем поставить вопрос иначе. Поговорим, если вы не возражаете, не только о качестве зрителя и читателя, но о «качестве» избирателя. Вас не огорчает, что наш народ на выборах в Думу отдал свои симпатии коммунистам и жириновцам? Не означает ли это, что мы потеряли за последнее время какие-то очень важные «качественные показатели»: глубокие нравственные критерии оценки жизни, например?

— Ну что ж, мне действительно обидно за результаты выборов в Думу. Но я полагаю, что эти результаты вполне естественны и объяснимы неумелыми действиями властей, не сумевших дать людям ощутить полезность и необходимость реформ. Мне кажется, люди голосовали не столько за коммунистов или жириновцев, сколько против тех условий жизни, в которые были поставлены. И я не думаю, что грядущие выборы в Думу сулят нам нечто принципиально новое. Власть мало изменилась с тех пор. Ей все так же не хватает воли. Она и сегодня полагает, что с нами не надо ни о чем разговаривать. Никто из наших руководителей не потрудился толково объяснить людям, что произошло в августе, куда и почему девались опять наши сбережения, что нам делать дальше, как жить, на кого надеяться и рассчитывать. Нет, никто из них не позаботился этого сделать. Мы для них — лишние. Такое ощущение, что без нас им было бы гораздо легче. Нам ведь надо платить зарплату и пенсию, нас надо обеспечить работой, купить для нас зерна и мяса, возить нас на самолетах, поездах, автобусах и трамваях. Вот было бы здорово, если бы нас не было, а остались только они и журналисты, которые бы замечательно писали об их победах и трудностях. Знаете, такое ощущение, что мы перестали быть народом, мы стали просто населением...

— Может быть, все дело как раз в дефиците власти, в ее слабости? Возьмите, например, президента...

— Я и сам порой отношусь к нему жестко и очень критически. Есть за что. И все же... Понимаете, я ведь в силу моей профессии постоянно ставлю себя, так сказать, на место персонажа, пытаюсь как бы понять его изнутри, почувствовать мотивы и логику его поступков. Вы так не пытаетесь? Ну вот представьте себе, что вы — президент и еще не знаете ни результатов, ни количества жертв, ни страшных последствий чеченской войны. И вот к вам приходят Грачев и другие люди, к которым вы относитесь с доверием, профессионализм которых не вызывает у вас сомнений. И они говорят вам, что для наведения конституционного порядка им потребуется максимум три-четыре дня. Какое решение вы примете? Сегодня на его месте я знаю, каким было бы ваше решение. Но тогда — как бы вы поступили тогда?.. Словом, я понимаю его по-человечески, это, если хотите, моя профессия. А поняв, способен простить, хотя бы наполовину. Впрочем, я понимаю и другое: у большинства людей профессии другие, и не все умеют и хотят понимать мотивы поступков современника, особенно если он во власти. И все-таки надо пробовать. Так, на мой взгляд, будет справедливее...

Беседу вели Юрий ЛЕПСКИЙ, Ольга СОЛОМОНОВА.